

**В серии «Другие Миры»
вышли книги:**

Ника Ветрова
Университет вредной магии.
Пособие по выживанию

Галина Гончарова
Против лома нет вампира
Не сотвори себе вампира

Ольга Куно
Горький ветер свободы
Черно-белая палитра

Вероника Мелан
Ассасин
Дэлл

Ирина Котова
Королевская кровь.
Сорванный венец
Королевская кровь.
Скрытое пламя
Королевская кровь.
Проклятый трон

Ольга Гусейнова
Когда нет выбора
Сумеречный мир

Ольга Хусаинова
Академия Зла.
Испытание ведьмой

**Нина Бархат,
Марина Багирова**
Присвоенная

Лесса Каури
Золушки из трактира
на площади

Жанна Лебедева
Сиреневый черный.
Гнев единорога

Алиса Дорн
Институт моих кошмаров.
Здесь водятся драконы

Таис Сотер
Факультет прикладной магии.
Простые вещи

Кира Стрельникова
Своенравный подарок

Дарья Кузнецова
Модус вивенди

Ольга Романовская
Песочные часы

Юлия Григорьева
Погоня за сказкой

Ирина Зволинская
Охота на дракона

Алина Лис
Маг и его кошка

Алина Полянская
Магистерия

Анна Невер
Обжигающий след

Ольга Миклашевская

ЭТО ВСЁ МАГИЯ!

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
М59

Серия «Другие Миры»

Разработка серийного оформления
Евгения Антофия
Иллюстрация на обложке *Анны Ларюшиной*

Миклашевская, Ольга
М59 Это всё магия! / Ольга Миклашевская.— Москва: Издательство АСТ, 2017.— 349, [2] с.— (Другие Миры).

ISBN 978-5-17-105171-6

Таиса, юный специалист по драконам, и не думала, что, отправляясь по делам в Северный форт, рискует безответно влюбиться. Да в кого! В самого талантливого всадника форта. Но если приглядеться повнимательнее и проявить немного терпения, то за историей о неразделенной любви можно увидеть, как свершается настоящая магия.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

© Ольга Миклашевская, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

ПРОЛОГ

Девочка и ее лис

много лет назад

У Миэн был выбор. Остаться дома, в тепле и уюте, в окружении любящей семьи, то есть родителей, тринадцати братьев и сестер, дедушки Лазутти, а также маминой сводной сестры Анжелики. А ведь если ты — младшая из четырнадцати детей, то все внимание многочисленных родственников сосредотачивается на тебе двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. Но шестнадцатилетней Миэн хотелось свободы. Хотелось дышать полной грудью, стать первооткрывательницей, бороздить моря, пересекать пустыни. А еще ей хотелось ни от кого не зависеть. Одиночка по натуре, девушка задыхалась под надзором многочисленной родни.

Или же, вместо того, чтобы остаться дома, она могла уйти навстречу разбушевавшейся метели. В такую погоду не то что хозяин собаку из дома не выгонит — он даже мышей, пожирающих в амбаре зерно, не потревожит. Стоило поднять перед собой руку, как она тут же исчезала за плотным одеялом

из мрака и непрекращающегося сильного мелкого снега. Холодный ветер бил в лицо с такой силой, что глаза невозможно было держать открытыми дольше нескольких секунд. Ноги утопали в снегу; тяжесть тела пригвождала стопы к месту, и чтобы сдвинуться хоть на шаг, приходилось напрягать все свое существо. Не говоря о том, что дышать было попросту нечем.

И, конечно, Миэн выбрала второе. В свой шестнадцатый День рождения она твердо решила: если не покинет родной дом в тот же вечер, то уже не сможет сделать этого никогда. И неважно, что дурная погода уже несколько дней не давала жителям поселка выйти на улицу. Снег и ветер с каждой секундой становились все сильнее, и это, вопреки ожиданиям, лишь раззадоривало дочь пекаря.

То, что у подножья в такую погоду было понастоящему опасно, Миэн знала. Погибнуть тут можно было тысячью способов: под обрушившейся лавиной или в когтях пробегающей мимо рыси. Последняя, скорее всего, сейчас пережидала непогоду в укрытии и меньше всего на свете интересовалась плутающими по горам девочками.

Сделав очередное усилие, Миэн заставила себя как можно шире открыть глаза и обернулась в поисках товарища. Пиф, должно быть, где-то рядом, но лисенка было попросту не разглядеть. Закутавшись поплотнее в темно-зеленый дорожный плащ с шерстяной подкладкой, девушка набрала в легкие побольше воздуха и крикнула в пустоту:

— Пиф!

Ей казалось, эхо должно разнести имя на сотни локтей вокруг, но в реальности метель заглотила звук, как будто никто ничего и не сказал.

Лисенка принес ей второй по старшинству брат, Дарк. Сказал, нашел в лесу; мама-лисица от него почему-то отказалась. Он был совсем слабым, тощим; мех такой грязный и свалявшийся, что сначала Миэн подумала, что шкурка у лисенка бурая. Но после того как она окунула малыша в корыто, стало понятно, что шкурка очень светлая: персиковая, почти нежно-розовая на тельце и белоснежная на мордочке. Бледный нос смотрелся так, будто кто-то по неосторожности стер с него краску.

При этом глаза у лисенка не были красными, как это обычно встречается у альбиносов, а серо-голубыми, маленькими для его достаточно крупного тела. Животное вечно щурилось, и Миэн с Дарком пришли к выводу, что Пиф — так они называли лисенка — если не слепой, то очень плохо видит. Возможно, именно из-за этого лиса и бросила его в лесу совсем одного.

Физический недостаток, однако, не очень мешал маленькому сорванцу. Он носился по дому со скоростью молнии, все время путался под ногами, но еще никто и никогда случайно не наступил ему даже на кончик хвоста.

Пиф, как и Миэн, в большой семье сразу превратился во всеобщего любимца. У старшего брата была здоровенная охотничья собака, которая жила на улице, у двух средних сестер — ручные канарейки. И так как семья у них была очень дружная, никто не огорчился, когда узнал, что скудный обед теперь придется делить и с маленьким прожорливым хищником.

Лисенок рос буквально на глазах, и сейчас уже, скорее всего, был близок к окончательному размеру. С возрастом мех его чуть потемнел, хотя и остался

такого же необычного оттенка, напоминающего недоспелый абрикос, который на ослах привозили в начале лета торговцы с юга. Однако в такую метель Миэн уже сто раз пожалела, что шкурка у ее друга не черная или хотя бы не бурая.

— Пиф!!! — изо всех сил закричала девушка, чашечкой сложив ладони у рта.

Кто-то запищал и запыхтел у ее ног, отчаянно пытаясь сбросить с себя навалившуюся кучу снега. Пиф работал маленькими лапками, как мельница лопастями, и уже через несколько мгновений на свет показался его бледно-розовый носик.

Миэн нагнулась и, невзирая на холод, стала помогать своему питомцу руками, защищенными только тонкими митенками, отбрасывая липкие комья снега в сторону. Совсем скоро Пиф оказался на поверхности и принялся выплевывать попавший в рот снег.

«Давай, малыш, иди сюда»,— подумала Миэн и подхватила лисенка на руки. Быстрым движением она сунула Пифа за пазуху и плотнее закуталась в плащ. Оказавшись так близко с животным, девушка почувствовала тепло его тела и часто бьющееся маленькое сердечко.

Пиф практически не шевелился в своем убежище. Полностью доверяя хозяйке, он уткнулся носом в ложбинку на груди. Теперь, когда лис был рядом, Миэн стало гораздо спокойнее.

Но дальше идти стало тяжелей. Необходимо отыскать укрытие и просидеть в нем, по меньшей мере, до утра. Сейчас, когда солнце уже клонилось к закату, появилась опасность окончательно потерять ориентиры. Дерево Мудрости уже почти не различить через плотную снежную стену.

Может, Миэн ошиблась и не стоило покидать дом в день своего рождения?

Ей всегда казалось, что этот день должен стать особенным. Большинству ее подруг уже исполнилось шестнадцать, и почти всех позвали замуж. Разве что толстушку Тетти никто не хотел брать в жены, но та была уверена, что это ненадолго, и совсем скоро под ее окнами начнут собираться толпы поклонников. Никто не хотел разочаровывать бедняжку, поэтому не спешил делиться с ней собственными прогнозами на этот счет.

Миэн же с содроганием ждала, когда к ее отцу стройными рядами начнут ходить потенциальные женихи. Несколько дней назад она даже думала отрезать свои длинные черные волосы, чтобы отвадить хотя бы часть ухажеров.

Девушка не хотела выходить замуж. Да, она могла поступить, как большинство ее сестер — постоянно отказывать в ожидании лучшего варианта. Старшей незамужней сестре скоро должно было стукнуть тридцать, и она уже начинала с опасением поглядывать на свое отражение в зеркале, переживая, что красивый и богатый делец так и не переступит порога их дома.

Но быть под надзором отца и братьев, а затем, пусть через много лет, перейти под покровительство другого мужчины, — так Миэн провести свою жизнь не хотела. Именно поэтому на рассвете она собрала немногочисленные пожитки в заплечный мешок, взяла на память о маме ее любимый гребень, украшенный бирюзовыми камешками-восьмиугольниками, и ушла, ни с кем не попрощавшись. Спящая с ней на одной кровати сестра Фира была старше Миэн всего на два года, но совсем скоро уже должна была

отправиться в дом к супругу, который на днях сделал ей предложение.

Для женщин в их поселении не было уготовлено других дел, кроме ведения домашнего хозяйства и воспитания детей. Некоторые шили или стирали за деньги, но много за такую работу не платили, так что жизнь, в целом, у всех была одна: у тебя есть отец или муж, который тебя обеспечивает, а ты в ответ готовишь ему сытный ужин и следишь, чтобы по вечерам в печи горел огонь.

А Миэн жаждала приключений. Она готова плясать на городских площадях, помогать перекачивать бочки в порту, разносить пиво в кабаках... Все, что угодно, лишь бы это позволило ей стать свободной и независимой.

«Осталось немного»,—попыталась убедить себя девушка, чтобы не сдаваться под натиском колючего, как миллионы крохотных булавок, ветра. Он забирался под одежду, блуждал по каждой клеточке тела, а затем, довольный, что забрал все тепло, летел дальше в поисках очередной жертвы.

Впереди наверняка есть поселение. Местные жители пасли здесь овец, и пусть на пути Миэн за весь день не встретилось ни единой живой души, до цивилизации оставалось совсем близко. По крайней мере, продрогшей до костей путнице очень хотелось в это верить.

Время шло, и верхушка Дуба Мудрости окончательно скрылась за слоем снега, оставляя Миэн и ее лисенка использовать скорее чутье, нежели зрение. И Пиф действительно кое-что учуял. Он задержался у Миэн под плащом, заскулил и завертелся, хотя еще мгновение назад был такой спокойный, будто сумел уснуть под бушевавшую вокруг стихию.

«Что там? — мысленно спросила себя Миэн. — Неужели сегодня мы не замерзнем до смерти?»

Примерно так она себе все это и представляла, совсем как в древних легендах. Герой сначала сталкивается с препятствием, которое кажется ему невыполнимым, а затем провидение приходит на помощь. Каким-то чудом он уклоняется от смертельно острого лезвия ножа, под врагами проваливается навесной мост или же друг, с которым он двадцать лет не обмолвился ни словом, наконец забыл все обиды и в самый подходящий момент пришел на помощь.

Облегчение мягким теплом растекалось по оочечневшему телу. С таким же несравнимым удовольствием, с каким перед сном Миэн снимала сапоги с натруженных ног, она разглядывала представший перед глазами ряд домов, обнесенных невысокой, сделанной скорее для красоты оградой.

Из трубы ближайшего дома валил дым, и девушка решила попытаться счастья. В окне горел свет; слышались отголоски неожиданного в такую погоду шумного веселья.

Не сразу Миэн обнаружила входную дверь. Ступив на занесенный снегом порог, путница по щиколотку провалилась в вязкую кашицу. До этого как-то удавалось сохранить ноги в сухости, но теперь оставалось надеяться только на гостеприимность хозяев.

Как и ожидалось, дверь заперта изнутри. Пришлось стучать.

— Откройте, пожалуйста! — без особой надежды, что ее услышат, крикнула Миэн.

Ее и правда не слышали. По другую сторону двери наслаждались комфортом человеческого жили-

ща, а он особенно сильно ощущается во время метели. Порзень, напиток на травах и меду по местному рецепту, тек, как говорится, рекой, переключивался из кружек в широкие рты, а иногда и проливался мимо.

Сказочник как раз выпил достаточно, чтобы разгорячиться, но язык у него еще не заплетался. С покрасневшими щеками, совсем как у юной девицы на морозе, он жарко декламировал свои истории:

— ...не удержался и посмотрел прямо в глаза Медузе! На голове вместо волос у нее копошились ядовитые змеи, чуть что готовые атаковать, а взгляд у этой полуженщины был стеклянный!..

Под мышкой молодой человек держал необычную для этих мест книгу. Относительно маленькую, с неестественно ровными страницами. Такие вручную никак не нарежешь. Томик был уже зачитан своим обладателем буквально до дыр. Кое-где выпадали листы, на обложке виднелось большое застарелое пятно. Это Сказочник случайно пролил на книгу настойку, которую они с друзьями распивали в прошлый раз примерно в похожих обстоятельствах.

— За Сказочника!!! — взревел один из присутствующих, бородатый мужик с солидным брюшком, даже не дослушав историю до конца.

Остальных будто муха укусила:

— ЗА СКАЗОЧНИКА!

Взлетели стаканы, послышался звон соприкасающегося стекла. Сказочник же ничуть не обиделся, что его так бесцеремонно перебили, и тоже присоединился к остальным со своей высокой граненой кружкой.

Следующие несколько мгновений стояла гробовая тишина, все присосалось к стаканам, глотая порзень,

как в последний раз. Именно тогда Сказочник случайно и услышал странный звук, доносящийся прямиком из-за входной двери.

Паренек — а это был именно молодой парень лет семнадцати-восемнадцати, не старше, поставил свою кружку на стол, тыльной стороной ладони утер рот и встал со своего стула.

— Эй, Сказочник, куда?! — прогремел сидящий на углу лохматый козопас с рыжими, как тараканья спинка, усами.— Посиди, выпей еще с нами! Могу вечно эти твои небылицы слушать!

— Сейчас вернусь,— пообещал парень и без лишних раздумий дернул дверную задвижку в сторону.

Еще один участник веселья, широколицый скорняк, схватился руками за голову:

— Ты чего?! Тебя ж заметет!

Остальные одобрительно загалдели и закивали головами, не забывая подливать себе бодрящего напитка. Все присутствующие мужчины были значительно старше Сказочника и скорее годились ему в отцы, но так уж здесь повелось: что бы Сказочник ни делал, никто не смел ему перечить.

Кто-то говорил, что он сумасшедший; кто-то верил, что он есть не кто иной, как обретший плоть дух леса. Сам же Сказочник утверждал, что пришел из другого времени и далеких земель, но уж в эти сказки никто никогда не верил, потому его так и прозвали. Как звали Сказочника на самом деле, и было ли оно у него — имя, никто не знал, но прозвище прикрепилося быстро. А вскоре Сказочник подтвердил его умением рассказывать такие истории, которых в этих краях никто с роду не слыхивал: про крылатых ящеров, полулюдей-полулошадей, зверей, способ-

ных принимать человеческое обличье, и каменных монстров с лицами обезьян.

Сказочник местным очень понравился. Когда из удивительного происходит только кража овец волками, волей-неволей потянешься к такому вот выдумщику, диковинные истории у которого никогда не заканчиваются.

Паренек не прогадал: на улице действительно кто-то был. Несмотря на то что в избу мгновенно, едва дверь приоткрылась, ворвались вихри ледяного ветра, Сказочник все-таки сумел рассмотреть видневшуюся в проеме гостью.

— Ты кто? — поинтересовался Сказочник, на что мужчины в комнате тут же закричали:

— Заводи его сюда скорей! Ты ж нас до смерти заморозишь! — И быстро, за здоровье, хлопнули еще по стакану.

Когда Миэн перешагнула порог дома, Сказочник наконец смог разглядеть путника поближе и понять, что это вовсе не мальчишка, как он подумал вначале, а самая что ни на есть настоящая девчонка. С ног до головы она была закутана в не предназначенный для таких холодов дорожный плащ, с которого хлопьями падал на пол снег и тут же превращался в маленькие лужицы. Путница сотрясалась от крупной дрожи; у нее зуб на зуб не попадал, и когда она попыталась что-то сказать, то получилось только неясное клацанье челюстями.

— Подожди, — попросил ее паренек, — сейчас дверь закрою, и расскажешь.

Он проводил ее к столу, посадил на свое место, а себе взял опасно пошатывающийся треногий табурет. Решив поухаживать за дамой, коих в поселке по пальцам одной руки пересчитать, Сказочник почти

силком стащил с Миэн плащ и только затем обнаружил живую ношу девушки.

— Вот те на! — присвистнул он. — Смотри, Скарку своего питомца не показывай: он из него живо меховой воротничок сделает!

— Ага, — подтвердил вышеупомянутый, — сейчас, только порзень допью. И, запрокинув голову, он резкими глотками принялся опустошать свой стакан.

Миэн понятия не имела, шутили эти двое или нет, но на всякий случай покрепче прижала к себе Пифа. В отличие от хозяйки, лисенок успел немного отогреться за пазухой, поэтому первым делом начал тянуть свою любопытную мордочку в сторону заставленного яствами стола.

— Ишь какой, — просипел козопас, с интересом разглядывая необычное создание, — похож на картинку, что моя дочурка рисует. Намалюет — и на солнышке на лавочке где-нибудь оставит. Потом к вечеру вернется — сразу в слезы! Бумага-то выцвела. — Мужчина развел руками; его немного покачивало из-за выпитого алкоголя. — Вот и твой такой же, как будто его на солнце забыли.

Миэн ничего не ответила, только осторожно покосилась на своего спасителя, который тем временем отряхивал ее плащ в подобию коридора, где были кучей навалены похожие друг на друга здоровенные мужские сапоги.

— На, возьми мою. — Сказочник протянул девушке свою накидку, гораздо более тонкую, зато теплую и сухую.

«Спасибо», — одними губами произнесла гостья и позволила накинуть ткань себе на плечи. В животе свело от голода, она ведь не ела с самого утра, но про-